

Плагиа́т и конститу́тивный порядок диссертационного текста

*Андрей Корбут**

Аннотация. Статья посвящена проблеме плагиата в диссертационном тексте. На примере конкретного случая — диссертации по религиоведению, содержащей значительные заимствования из других текстов, — показывается, что без понимания механизмов производства локального текстуального порядка анализ плагиата будет недостаточным. Возможность успешной защиты диссертации, содержащей плагиат, связывается не столько с особенностями социального контекста, в который помещен текст диссертации, сколько с практиками компетентного чтения, которые лежат в основе научной экспертизы.

Ключевые слова: плагиат, диссертация, научный текст, экспертиза, практики чтения, социология науки.

Проблема

Плагиат в науке — явление не новое, и есть основания полагать, что с течением времени его объемы будут увеличиваться. Технический ответ на проблему заключается в создании все более эффективных алгоритмов обнаружения плагиата¹. Философский ответ предполагает поиск новых способов определения того, что такое плагиат, соответствующих современным образовательным и научным тенденциям².

* **Корбут Андрей Михайлович** — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ. E-mail: korbut.andrei@gmail.com

© Корбут А.М., 2013

© Центр фундаментальной социологии, 2013

1. Например, создатели самого популярного на сегодняшний день электронного инструмента выявления плагиата Turnitin утверждают, что их программное обеспечение способно обнаруживать даже переводной плагиат (http://pages.turnitin.com/rs/iparadigms/images/Turnitin_RELEASE_Translated_Matching_ENGLISH.pdf).

2. Скажем, по мнению антрополога Сьюзен Блум, распространение плагиата следует рассматривать не как симптом болезни, а как новую культурную реальность. «Если больше половины всех студентов занимаются плагиатом, то это явно указывает на наличие культурного влияния, которое побуждает их поступать подобным образом» (Blum, 2009: 6). С точки зрения Блум, современные студенты испытывают постоянное давление со стороны университетов, заставляющих их максимально быстро производить тексты, соответствующие необходимым требованиям. Кроме того, студенты погружены в море других текстов; они постоянно взаимодействуют с интернетом и различными формами медиа, основанными на интертекстуальности; их побуждают работать в группах и действовать сообща. В результате студенты оказываются в ситуации, когда плагиат становится оправданным выбором, что требует трансформации наших представлений о плагиате.

Социологический ответ, который я попытаюсь сформулировать в настоящем тексте, предполагает анализ механизмов производства научных текстов. С этой последней точки зрения практика науки заключается не в институционализации определенных норм (общенаучных и/или специфических для отдельных сообществ), а в создании локального социального порядка. Этот порядок материален, и его материальная организация воплощается в том числе в научном тексте. Смещение фокуса внимания с широко понятого социального контекста на устройство самого научного текста позволяет анализировать те социальные практики, которые составляют рутинный, само собой разумеющийся фон научной деятельности. Именно этим фоном и пользуется плагиатор: он фабрикует текст, а не отношения с коллегами. Следовательно, анализ проблемы плагиата лучше начинать не с обсуждения «ситуации в отечественной науке» или «научного этоса», а с прояснения конститутивных практик текстуального научного производства.

Безусловно, современное понимание плагиата и отношение к нему сформировались лишь недавно. На разных этапах развития науки допустимость или недопустимость того, что мы сегодня зовем «плагиат», осмыслялась по-разному, как и граница между чужим/своим, которая и сегодня достаточно подвижна. Однако в любом случае эта граница устанавливалась и устанавливается в научной практике, изнутри которой ученые апеллируют к тому или иному пониманию плагиата. Осмысленность конкретного понимания плагиата для членов научного сообщества — это практическая проблема, которую они решают в актуальных ситуациях деятельности. В этом отношении решение проблемы плагиата лежит не столько в области формулирования и распространения некоторого понимания того, что такое плагиат (которое всегда можно релятивизировать, заявив, что его придерживаются лишь представители определенного сообщества), сколько в области изучения того, как создается плагиат и как его можно выявлять. Поэтому детальное исследование конкретных случаев плагиата не менее важно, нежели высказывание общего отношения к данной проблеме.

В самом широком смысле плагиат представляет собой присвоение работы, выполненной другим человеком. Речь идет именно о работе, а не о ее продукте, поскольку читатель научного текста обнаруживает в нем, помимо результатов академического труда, еще и способ их получения. Обнаруживаемый в тексте способ их получения при этом не совпадает с тем, как они реально производились. Безусловно, существует принципиальная разница между ситуацией написания текста и ситуацией его чтения. Однако научные тексты могут пониматься, даже если читатель ничего не знает о биографии автора и условиях написания текста. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, текст предоставляет ресурсы для его чтения. Говоря словами Эрика Ливингстона, текст неотделим от его чтения. Текст/чтение составляют неразрывную пару (Livingston, 1995: 86). «Текст» здесь обозначает описание того, как должно быть организовано чтение, а «чтение» — реальную практику чтения. Текст инструктирует читателя относительно того, как его следует читать. Поэтому научный текст отчуждаем от практики его написания, но неотчуждаем от практики его чтения. Во-вторых, читатель обнаруживает в тексте не только описание того, как его следует читать, но и

описание того, как он был написан. Этот второй тип описания присутствует в любого рода текстах, однако он принимает специфическую форму в текстах научных, где различные аспекты текста (сноски, приводимые данные, структура текста) позволяют судить о том, какая работа была проделана для его написания. В этом смысле работа написания проявляется в деталях текста. Хотя, как было сказано, реальная работа письма недоступна через конечный текст, текст как-то описывает эту работу и такое описание доступно читателю. Плагатор, соответственно, заимствует не только некоторый текст, но и описание того, как этот текст был получен.

В настоящей статье я рассмотрю один конкретный случай плагиата и попытаюсь показать, каковы его механизмы и как эти механизмы связаны с практикой производства научного текста, в данном случае — текста диссертации. Диссертация обладает своей спецификой, отличающей ее, например, от монографии, и ниже я буду останавливаться на том, в чем эта специфика состоит, однако во многом способы организации чтения диссертации и других научных текстов совпадают. Диссертация, которую я буду обсуждать, называется «Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе» (Сафронов, 2011) и была успешно защищена в ноябре 2011 года по специальности 09.00.14 («Философия религии и религиоведение»). Сначала в автореферате, а затем в самой диссертации я обнаружил множество заимствований³, большинство из которых представляло собой дословный перевод фрагментов ряда англоязычных текстов. Первоначальное «открытие» было сделано случайно: уточняя некоторые ссылки в процессе перевода статьи американского социолога Энн Ролз, я наткнулся на электронную версию автореферата, некоторые места в котором показались мне знакомыми. Сопоставив эти места с известными мне текстами Ролз, я выяснил, что в автореферате почти дословно повторяются фразы из некоторых статей Ролз, хотя при этом ссылки на источник отсутствовали. После этого я решил более внимательно проанализировать как автореферат, так и саму диссертацию, и в результате обнаружил многочисленные заимствования. Публикация результатов анализа диссертации вызвала бурное обсуждение среди коллег и в конечном счете привела к тому, что Роман Сафронов обратился в ВАК с просьбой лишить его степени. Однако при этом он не признал, что в его работе присутствует плагиат, и обосновал свое обращение в ВАК тем, что диссертация «информационно устарела»⁴.

В отношении данной ситуации можно поставить много вопросов, первый и главный из которых — вопрос о том, как такое в принципе стало возможно. Во время об-

3. Здесь и далее слова «заимствование» и «плагиат» для меня синонимичны.

4. Об этом Роман Сафронов сообщил корреспонденту газеты «Известия» (см.: Преподаватель МГУ просит лишить его степени после скандала с плагиатом. <<http://izvestia.ru/news/549296>>). Следует добавить, что окончательное официальное решение о признании данной диссертации плагиатом на момент подготовки статьи еще не принято. Однако материалы, положенные в основу статьи, были представлены на совместном заседании Центра фундаментальной социологии и кафедры практической философии НИУ ВШЭ (кафедра готовила заключение от имени НИУ ВШЭ, которая выступала ведущей организацией), по результатам которого ведущая организация отозвала положительное заключение о диссертации.

суждения рассматриваемого случая было предложено несколько версий. Во-первых, отмечалось, что диссертация просто не попала в руки достаточно компетентному читателю, знакомому с заимствуемыми текстами. Во-вторых, некоторые коллеги говорили, что диссертант имел «хорошую репутацию», вследствие чего ни у кого не было повода сомневаться в его добросовестности. Оба эти объяснения, как можно видеть, не учитывают реальность самого текста. Хотя они указывают на важные аспекты ситуации, на мой взгляд, ответ на вопрос о возможности успешной защиты содержащей плагиат диссертации⁵ должен прежде всего лежать в иной плоскости, а именно в сфере анализа механизмов производства убедительного текста. Почти все, кто так или иначе познакомился с текстом диссертации Романа Сафронова, говорили о том, что текст производил «хорошее впечатление». Что в данном случае значит «хорошее впечатление»? Почему этот текст показался «нормальным»? Отсылка к социальному контексту здесь ничего не объясняет, потому что текст диссертации сам является частью социального контекста. Следовательно, необходимо поместить текст диссертации в то практическое окружение, в котором он приобретает осмысленные упорядоченные черты, поскольку «вера в описание тесно связана с чтением этого описания как упорядоченного продукта» (Anderson, 1978: 115). Что именно в самом тексте сделало его подходящим кандидатом на статус диссертации?

Традиционный подход⁶, с которым многие бы согласились, предполагал бы рассмотрение данной диссертации в том кругу социальных связей, в котором она писалась, обсуждалась и защищалась. Для этого было бы необходимо проанализировать отношения диссертанта с институциями, с которыми он был связан, с коллегами, с выпускающей кафедрой, с диссертационным советом, с оппонентами, с ведущей организацией и т.п.⁷ В результате мы могли бы поместить диссертацию в социальную среду, которую можно было бы описать, например, как «провинциальную» или «туземную» науку⁸. При этом сам текст диссертации рассматривался бы как проявление определенной системы отношений, которые стоят «за» этим текстом и в некотором роде движут как его автором, так и его читателями. Я буду придерживаться иной точки зрения, которая, наоборот, требует делать предметом изучения работу по производству текста. Согласно этой точке зрения, текст диссертации не является проводником к стоящим за ним социальным практикам, а конституирует эти практики. «Тексты сообщают (а также развивают) и придают смысл локальным социальным отношениям изнутри данных отношений. Тексты — интегральные черты этих отноше-

5. Я не рассматриваю здесь ситуации, когда успешность защиты диссертации, содержащей плагиат, обусловлена подкупом диссертационного совета.

6. Который можно связать прежде всего с именем Роберта Мертона (см.: Merton, 1973).

7. Мертон рассматривает социальную организацию науки не саму по себе, а с точки зрения тех нормативных паттернов, которые она поддерживает. Плагиат для него — результат «противоречий между системой вознаграждения и нормативной системой науки» (Merton, 1995: 397–398).

8. См. прекрасную статью М. Соколова и К. Титаева «Провинциальная и туземная наука» (Соколов, Титаев, 2013). Эта статья интересна прежде всего тем, что в ней предпринимается попытка рассмотреть некоторые реальные практики написания научных текстов в той области, которую авторы называют «туземной наукой».

ний» (Watson, 2009: 93). Речь идет в первую очередь об отношениях текст/читатель, точнее, о тех практиках чтения, которые реализуются людьми в локальных обстоятельствах для достижения практических целей. Ниже я попробую обозначить некоторые направления анализа этих практик⁹.

Но прежде необходимо указать на одно ограничение. Мои цели носят исследовательский характер, поэтому я буду воздерживаться от какой-либо оценки диссертации. Разумеется, квалификация определенного текста или его фрагмента как «плагиата» не является нейтральным актом, поскольку сегодня термин «плагиат» имеет преимущественно легально-моральные коннотации. Я тоже исхожу из недопустимости плагиата. При этом его недопустимость связана для меня не столько с тем, что плагиат противоречит основам научной этики, сколько с тем, что плагиат создает угрозу для научной коммуникации, поскольку в этом случае слова другого ученого воспринимаются как то, что можно лишь буквально повторять. Проблема присвоения авторства — это проблема разрушения условий для различного рода обменов между участниками научной коммуникации. Единственной формой обмена становится копирование. Другому отказывается в праве на высказывание, поскольку он лишается высказывания как такового. Однако я не буду использовать такую общую оценку плагиата в качестве руководящего принципа. Я предлагаю внести методический элемент в понимание плагиата и сначала взглянуть на него как на организованную текстуальную практику¹⁰.

Фактография плагиата

Сначала необходимо показать, почему многие фрагменты указанной диссертации могут считаться плагиатом. Это важно по двум причинам. Во-первых, потому, что после обнародования первичных результатов анализа текста диссертации Сафронова некоторые коллеги (включая, как отмечалось выше, самого автора диссертации) отказались признать наличие в диссертации плагиата (правда, без какого-либо опровержения представленного сопоставления текста диссертации и заимствованных англоязычных источников). Ниже я надеюсь показать, что квалификация существенной части диссертации Сафронова как плагиата обоснована и опирается на используемые в академическом мире критерии плагиата. Во-вторых, это важно потому, что обнаружение плагиата является «нормальной» научной практикой, в том смысле, что, с одной стороны, она предусматривается самой организацией науки (у нас как

9. Я буду опираться на корпус работ, в которых принимается близкая исследовательская перспектива: Anderson, 1978; Livingston, 1995; Lynch, Bogen, 1997; Morrison, 1981, 1989; O'Neill, 1981; Sharrock, Ikeya, 2000; Watson, 2009.

10. Исследовательское ограничение так же должно быть дополнено другим ограничением: обсуждая диссертации, я буду говорить преимущественно о социальных и гуманитарных науках, поэтому сказанное может быть применимо к естественным наукам и математике только с соответствующими оговорками. О роли текстов в естественных науках см. книгу Б. Латура и С. Вулгара «Лабораторная жизнь» (Latour, Woolgar, 1986), а также книгу К. Кнорр-Цетиной «Производство знания» (Knorr-Cetina, 1981).

минимум есть понятие плагиата и способы реагирования на него), а с другой — она предполагает те же механизмы чтения текста, которые лежат в основе чтения любой научной работы: как и «добросовестный» текст, текст, содержащий плагиат, сопоставляется с другими текстами. Рассматриваемый случай интересен как раз тем, что обнаружение плагиата произошло в рамках рутинной исследовательской работы, т.е. первоначально я не ставил перед собой задачу найти плагиат. Поэтому прояснение того, какие фрагменты диссертации Сафронова являются плагиатом, — это в том числе эксперимент по саморефлексии, демонстрирующий, каким образом организационные условия выявления плагиата оказались связаны с моими действиями и наблюдениями.

Обнаружение плагиата в указанной диссертации (как и в любом научном тексте) сталкивается с тремя сложностями.

Первая сложность связана с определением плагиата. Этих определений существует огромное множество. Однако хотя определения плагиата могут существенно расходиться в деталях (например, в некоторых определениях ненамеренное заимствование не считается плагиатом), все они в той или иной мере отталкиваются от идеи присвоения авторства, т.е. публичного представления чужой работы в качестве собственной. Ядро всех определений плагиата таково: под плагиатом понимается заимствование чужих идей, данных, изображений или высказываний без адекватного указания источника заимствования. Источником заимствования при этом могут быть опубликованные работы, неопубликованные работы, веб-страницы или устные высказывания. То есть плагиат фиксируется всякий раз, когда авторство идеи или текста может быть однозначно приписано тому, кто на самом деле не является автором этой идеи или текста. Конечно, это определение не может служить исчерпывающей инструкцией по нахождению плагиата, поскольку оно приобретает смысл лишь в процессе его применения в конкретных случаях, однако оно представляет собой удобную формулу, указывающую, что не стоит делать в научном тексте и что в нем должно обязательно присутствовать. При этом необходимо помнить, что приведенное определение является не руководством к действию, а руководством к описанию действия.

Факт плагиата может обнаруживаться на разных этапах жизни научного текста. Предполагается, что научное разделение труда должно быть организовано таким образом, чтобы плагиат обнаруживался до того, как текст будет опубликован или каким-либо еще образом легализован. В случае научных статей и монографий плагиат должен обнаруживаться рецензентами, в случае диссертаций — научным руководителем и оппонентами. Тем не менее рассматриваемая диссертация успешно прошла через руки всех положенных читателей. Возможность столь успешной карьеры диссертационного текста указывает на тот факт, что для сомнения в адекватности указания авторства тех или иных высказываний всегда должны быть веские основания. В отличие от электронных систем выявления плагиата, для которых его наличие и отсутствие в тексте являются равновероятными и автоматически оцениваемыми возможностями, для читателей диссертации вопрос о том, есть ли в тексте плагиат,

может возникнуть лишь в определенной ситуации, предоставляющей подходящие основания для такого вопроса. Диссертация Романа Сафронова прошла процедуру защиты потому, что ни у одного читателя таких веских оснований для указанного вопроса не было. И объяснять, как предлагали некоторые коллеги, отсутствие таких оснований исключительно незнанием читателями тех текстов, фрагменты или идеи которых были заимствованы, нельзя, потому что это знание тоже привлекается лишь в случае наличия в самом тексте моментов, которые делают резонным сомнение в авторстве. Следовательно, необходимо прежде всего рассматривать способы интеграции плагиата в научный текст.

Такое рассмотрение, однако, связано с другой — второй — сложностью, обусловленной множеством форм, которые способен принимать плагиат. Если проанализировать формы плагиата, описываемые в руководствах ведущих западных университетов¹¹, то в той или иной форме все они включают три основных:

1) Прямое копирование фрагмента другого источника в собственном тексте без кавычек и полной ссылки на источник. Прямое копирование фрагмента с полной ссылкой, но без кавычек, тоже считается плагиатом. В случае дословного плагиата размер заимствованного фрагмента может быть любым. Заимствование отдельной фразы также будет плагиатом, если эта фраза не является элементом обиходного языка и может быть приписана конкретному автору.

2) Неадекватный пересказ, при котором изложение фрагмента другого источника осуществляется путем замены некоторых слов в исходном тексте с сохранением его структуры, даже если при этом дается полная ссылка на источник.

3) Адекватный пересказ, но не сопровождающийся указанием на источник заимствования идей.

Если мы посмотрим, на какие типы можно разделить плагиат в диссертации Романа Сафронова, то там обнаружатся все указанные формы. Перечислим их¹².

1) Наиболее распространенным является дословное цитирование чужого текста (в основном англоязычного, но также и русскоязычного) без указания источника или с указанием, но без кавычек. Пример:

11. Гарвардский университет (<http://isites.harvard.edu/icb/icb.do?keyword=k70847&pageid=icb.page342054>), Кембриджский университет (<http://www.admin.cam.ac.uk/univ/plagiarism/students/statement.html>), Йельский университет (<http://www.yale.edu/graduateschool/academics/ethics.html>), Принстонский университет (<http://www.princeton.edu/writing/university/resources/WPAPlagiarism.pdf>), Стэнфордский университет (<http://studentaffairs.stanford.edu/judicialaffairs/integrity/plagiarism>), Оксфордский университет (<http://www.ox.ac.uk/students/academic/goodpractice/about/>). К сожалению, в российских университетах аналогичные руководства отсутствуют.

12. С полным сравнительным анализом текста диссертации можно познакомиться на странице Центра фундаментальной социологии (<http://www.cfs.hse.ru/images/stories/events/safronov/safronovdisexamination.pdf>).

Эмиля Дюркгейма представляют в социологической литературе как функционалиста. Исследователи Стив Тэйлор и Клайв Эшворт, однако, считают, что «пока функционалисты пытаются объяснить взаимоотношения между поддающимися наблюдению частями социальной системы, Э. Дюркгейм имел в виду структуры, лежащие в основании этих феноменов»¹⁶⁹. Другими словами, можно сказать, что Э. Дюркгейм позиционируется здесь как реалист. Социальные факты, о которых социолог писал в работах «Самоубийство» и «Элементарные формы религиозной жизни», были источниками морального авторитета в обществе.

¹⁶⁹ Taylor S., Ashworth C. Durkheim and social realism: an approach to health and illness // Sociological Theory and Medical Sociology. Ed. by Scrambler G. — London: Tavistock, 1987. — P. 39.

(Сафронов, 2011: 211–212)

6. Генерирование верования или причастности в процессе ритуала пропорционально степени фиксации внимания, вызванной ритуалом²³¹.

²³¹ Marshall D. Behavior, Belonging, and Belief: A Theory of Ritual Practice // Sociological Theory. — 2002. — № 20-3. — P. 372.

(Сафронов, 2011: 154)

Durkheim has been presented in much sociological literature as a functionalist. Taylor and Ashworth (1987: 39), however, argue that 'Whereas functionalists sought to explain relationships between observable parts of a social system, Durkheim was concerned with structures that lie behind observable phenomena.' In other words, Durkheim is positioned here as a realist. The social facts that Durkheim was concerned with in such works as *Suicide* and *The Elementary Forms of Religious Life* were sources of moral authority in society (Taylor and Ashworth 1987).

(Dew K. [2007]. **Public health and the cult of humanity: a neglected Durkheimian concept** // *Sociology of Health & Illness*. Vol. 29. № 1. P. 101.)

(4.1) *The ritual generation of Belief/Belonging is proportional to the degree of Attentional Focus induced by the ritual situation.*

(Marshall D. [2002]. **Behavior, belonging, and belief: a theory of ritual practice** // *Sociological Theory*. Vol. 20. № 3. P. 372)

2) Второй распространенный способ плагиата — цитирование чужого текста с изменением некоторых слов. Пример:

По мнению Л. Леви-Брюля, если определять коллективные представления только в общих чертах, то они могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам какой-либо социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них чувства уважения, страха, они не зависят в своем бытии от отдельной личности.

(Сафронов, 2011: 34)

Представления, называемые коллективными, если определять только в общих чертах, не углубляя вопроса об их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности.

(Леви-Брюль Л. [1994]. **Сверхъестественное в первобытном мышлении**. М.: Педагогика-Пресс. С. 9)

3) Кроме того, встречается близкий к тексту пересказ, который, однако, можно однозначно атрибутировать другому автору. Пример:

...согласно Э. Дюркгейму, человек двойственен. Одна часть — это индивидуальность, основу которой составляет тело, которым и ограничена область действия индивида. Другая часть — существо социальное, оно представлено в другой реальности: в областях интеллекта и морали, которые познаются только с точки зрения общества. С практической точки зрения следствием этой двойственности является несводимость моральных принципов и идеалов к утилитарным мотивам, а с точки зрения мышления — несводимость разума к индивидуальному опыту⁸³.

⁸³ Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. — New York: Free Press, 1995. — P. 16.

(Сафронов, 2011: 41)

...man is double. In him are two beings: an individual being that has its basis in the body and whose sphere of action is strictly limited by this fact, and a social being that represents within us the highest reality in the intellectual and moral realm that is knowable through observation: I mean society [*J'entends la société*]. In the realm of practice, the consequence of this duality in our nature is the irreducibility of the moral ideal to the utilitarian motive; in the realm of thought, it is the irreducibility of reason to individual experience.

(Durkheim E. [1995]. The elementary forms of religious life / Trans. K.E. Fields. New York: Free Press. P. 15–16)

4) Иногда автор диссертации действует более сложно: включает элементы чужого текста в собственный. Пример:

Можно также предположить, что интерес последнего времени связан, как нам кажется, с повышением влияния в гуманитарных науках постмодернизма и, во-первых, с его попыткой «сломать» разработанные Иммануилом Кантом и господствующие по сей день эпистемологию и концептуальные рамки наук. По мнению современного исследователя постмодернизма Майкла Робертса, «научные исследования говорят о «взрослении» постмодернизма и его попытках построить социальную теорию, не ориентированную на теорию познания. Возможность перестройки теории после демонтажа эпистемологии является самым современным направлением в постмодернизме»³⁷. Во-вторых, с попытками того же постмодернизма избавиться от путаницы, связанной с понятием «социальное конструирование реальности»³⁸, которое стало почти ругательным в социологии, поскольку использовалось в качестве синонима понятию «релятивизм».

³⁷ Roberts M. Rethinking the Postmodern Perspective: Excavating the Kantian System to Rebuild Social Theory // The Sociological Quarterly. — 2000. — №41-4. — P. 681.

(Сафронов, 2011: 28–29)

Both critics and supporters of postmodernism miss the most important aspect of the postmodern perspective: the attempt to break out of epistemology and the Kantian conceptual framework.

Social constructionism has become a bad word, since it has been used synonymously with relativism.

(Roberts M. [2000]. Rethinking the postmodern perspective: excavating the Kantian system to rebuild social theory // Sociological Quarterly. Vol. 41. №4. P. 681, 685)

В данном случае в тексте наравне с надлежащим образом оформленной цитатой встречается незакавыченный, близкий к оригинальному тексту пересказ без указания источника.

5) Наконец, наиболее сложно фиксируемый, но тем не менее используемый в тексте диссертации способ плагиата заключается в заимствовании идей. Пример:

«В исследовании выявлено, что в концепциях критиков „первой волны“ произошло смешение эпистемологии и социологии знания Э. Дюркгейма» (Сафронов, 2011: 12).

Здесь аргумент о смешении эпистемологии и социологии знания Э. Дюркгейма принадлежит другому автору — Энн Ролз.

В связи с выделенными типами может возникнуть вопрос о том, насколько все это «действительно» плагиат. Нельзя ли рассматривать, например, близкий к тексту пересказ, местами переходящий в цитирование, не как плагиат, а как что-то другое? Тем более если, допустим, вначале такого пересказываемого-цитируемого фрагмента стоит фраза «Согласно [такому-то]...», а в конце дается ссылка (см. пример в п. 3). Приведенное мной определение плагиата и указанные три его ключевые формы позволяют говорить, что в данном случае (как и во всех рассмотренных в пп. 1–5) мы имеем дело именно с плагиатом, поскольку организация текста такова, что читатель не знает, какие из высказываний Романа Сафронова были заимствованы из других текстов, и поэтому приписывает их авторство ему. В научных текстах (включая диссертации), вероятно, действует принцип «всё, что не имеет ссылки, принадлежит автору». Разумеется, между полюсами «чистого своего» и «чистого чужого» располагается «серая зона», включающая различного рода обыденные высказывания и общий научный язык (здоровый научный смысл, т.е. выражения, принятые в той или иной области науки), однако способ употребления таких вернакуляров все равно приписывается автору, хотя авторство самих высказываний может атрибутироваться другим людям или никому конкретно. Тем самым все перечисленные выше формы заимствований относятся к плагиату.

Обнаружение приведенных типов плагиата, однако, сталкивается с еще одной, третьей сложностью. При определении плагиата в рассматриваемой диссертации иногда было сложно установить его четкие границы. В тех случаях, когда Сафронов заимствовал целый абзац, сложностей с идентификацией не возникало, однако когда заимствовались отдельные высказывания или фразы (а тем более — идеи), с этим возникали проблемы. Следует ли считать плагиатом весь абзац, в котором использованы отдельные фрагменты чужого текста, или только те места, которые можно однозначно соотнести с оригиналом? Та же проблема возникала в случаях, когда к цитате-переводу добавлялась фраза вроде «...по мнению Т. Парсонса...». Следует ли считать эту фразу плагиатом, если окружающий ее текст является прямым переводом чужой работы? Я считал плагиатом только те фрагменты, которые могли быть однозначно приписаны другому автору.

Текстуальная механика и интеграция плагиата

Несмотря на присутствие в тексте большого числа заимствований, эти заимствования связываются между собой и с другими частями диссертации непротиворечивым образом. Автор использует для этого несколько приемов.

1) Он прибегает к хорошо зарекомендовавшему себя методу: добавляет в цитируемый текст фразы вроде «С точки зрения Д. Маршалла...», «По мнению Т. Парсонса...», «Согласно С. Мештровичу...» и т.д., после (и иногда до) которых следует прямой перевод фрагмента соответствующего автора. В принципе, такие шаблонные конструкции встречаются во многих академических текстах, однако при этом предполагается, что сопутствующий им текст является пересказом точки зрения определенного автора или закавыченной цитатой, поскольку такого рода фразы указывают читателю на обзорный характер текущего фрагмента текста. Автор диссертации, предположительно, рассматривает точки зрения Маршалла, Парсонса, Мештровича и пр., и это рассмотрение предполагает вынесение суждений о данных авторах. Однако в рассматриваемом случае демонстрация обзорности сводится к добавлению соответствующих фраз к прямым незакавыченным цитатам.

2) Тем не менее «высказывания о» присутствуют к тексту: они смещены к началам и концам разделов и глав. Например, § 3.1 «Стресс и религиозность: религиозность как фактор терапии стресса» начинается с абзаца:

«Для того чтобы конкретно обратиться к проблематике соотношения между религиозностью и физическим и ментальным здоровьем человека, нам кажется, необходимо описать проблемное поле для всего корпуса исследований явления стресса и влияния на него религиозности. Необходимо рассказать о теоретических сложностях этой области социологии религии. Эта тема интересна нам, поскольку она снова обращает наше внимание на дюркгеймовскую проблематику социальной интеграции и роли религии в ней, а также к вопросу об обществе как о системе представлений, который — в рамках теории Э. Дюркгейма — неразрывно связан с религией» (Сафронов, 2011: 169–170).

и заканчивается абзацем:

«Описанные теоретические построения имплицитно используются в эмпирических исследованиях, посвященных взаимоотношениям религиозности и здоровья человека. Для нас первостепенное значение имеет не сама дискуссия в рамках теоретической психологии, а те выводы, которые позволяют использовать теорию Дюркгейма для решения ряда актуальных для современной социологии религии вопросов. Следующие параграфы дают пример такого использования на практике» (Сафронов, 2011: 190).

между которыми размещаются обширные цитаты-переводы из С. Мештровича. Как можно видеть, в начале и конце параграфа автор, во-первых, обосновывает необходимость обращения к определенной теме, во-вторых, связывает ее с «современной социологией религии», и в-третьих, указывает на то, что первые два действия являются

его персональным достижением («...нам кажется...», «Эта тема интересна нам...», «Для нас первостепенное значение имеет...»). Благодаря этому два приведенных абзаца позволяют рассматривать располагающийся между ними текст в качестве «высказывания о» некоторой теме, которое одновременно соотносится с общей темой диссертации и с индивидуальным вкладом автора.

3) В связи с этим важно обратить внимание на тему диссертации — «Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе». Название диссертации звучит «нормально» не только потому, что в нем используются академические термины, но и потому, что оно что-то говорит читателю о характере диссертации, а именно то, что она будет носить обзорный характер. Как и в случае любой обзорной работы, к такого рода тексту можно предъявить претензию (в случае необходимости) прежде всего в недостаточном охвате «современных интерпретаций» в «англоязычной религиоведческой литературе», указав на те работы, которые относятся к данной категории, но не попали в диссертацию. Автор должен изначально предусматривать возможность такого возражения, которое отчасти снимается за счет того, что название диссертации само задает ту область, в постоянном сопоставлении с которой диссертацию будут в дальнейшем читать. Эта область должна быть достаточно обширной для того, чтобы ей можно было посвятить диссертацию (а не, скажем, статью). Кроме того, название демонстрирует дисциплинарную специфику диссертации («религиоведение»), которая, с одной стороны, должна зримо соответствовать специальности, по которой защищается диссертант, но также, с другой стороны, указывать на ту конкретную область, на знание которой претендует автор и которая может быть предметом оценки со стороны специалистов, которые в этой области либо разбираются, либо способны разобраться (в силу того, что они тоже принадлежат к той дисциплине, к которой относится диссертация, даже если они не читали всю ту литературу, которая анализируется в тексте).

4) И название диссертации, и основной текст могут читаться как минимум двумя способами. Во-первых, диссертация (в первую очередь — введение и заключение) должна соответствовать ряду «формальных»¹³ требований. Например, во введении (которое затем становится авторефератом) указывается «объект», «предмет», «актуальность темы исследования», «степень разработанности темы», «цель», «задачи», «теоретическая и методологическая основа исследования», «источники исследования», «новизна диссертационного исследования», «положения, выносимые на защиту», «научно-практическая значимость», «апробация диссертации». Все эти компоненты нужны для того, чтобы диссертация могла быть оценена как соответствующая некоторым утвержденным требованиям. Но кроме такого рода «жесткой» формализации в любом диссертационном тексте можно найти и более «мягкие» формы, например,

13. «Формальность» в данном случае используется не в социологическом или психологическом, а в техническом смысле, связанном с производством текста. «Формальное» — это то, что обязательно должно присутствовать в тексте, например, в соответствии с требованиями ВАК (или с тем, что считается требованиями ВАК).

изложение биографии того автора, которому посвящена диссертация (если таковой имеется). В данном случае, хотя диссертация не посвящена непосредственно Дюркгейму, его имя присутствует в теме и поэтому автор считает нужным кратко изложить жизненный путь классика социологии. Изложение жизненного пути при этом, судя по всему, берется автором из интернета (куда оно, в свою очередь, попало из популярной книги А. Б. Гофмана «Семь лекций по истории социологии») и, с небольшими изменениями, помещается в диссертацию без ссылки на то, откуда были почерпнуты соответствующие сведения. В результате биографическое описание становится «общим местом», у которого не может быть специфики (отражающей особенности подбора биографических фактов и авторский стиль их изложения). Однако указанные формальные особенности диссертации относятся лишь к малой ее части. Основная часть (которая в определенном виде включена в «формальную») связана с другой широкой перспективой, которая напрямую касается как строения диссертации, так и способов ее чтения.

5) Эта вторая широкая перспектива соотносится с требованием демонстрации «собственного вклада». Данное требование носит более сложный характер, нежели формальное требование указания «новизны диссертационного исследования», поскольку предполагает специфическую организацию всего текста диссертации. «Оригинальность», предположительно, должна демонстрироваться на протяжении всей диссертации, однако это не означает, что в тексте диссертации автор должен в каждом абзаце или на каждой странице указывать, каков его оригинальный вклад в данную область науки. Для этого лучше всего подходят определенные места (введение, заключение, начала/концы глав и параграфов)¹⁴ и определенные способы формулирования. Если выбор места достаточно очевиден, то на способах формулирования стоит остановиться отдельно. Их можно выделить три. Во-первых, как уже отмечалось выше, автор может подчеркивать существование специфического интереса, который руководит выбором той или иной темы. То есть автор обсуждает определенную тему не потому, что кто-то что-то по этому поводу написал, а потому, что цель исследования требует обращения к соответствующей проблеме. Примеры:

«Для наших целей будет совсем не лишним обратиться к работам французского философа, считающегося одним из учителей Мишеля Фуко, члена „Collège de France“ Джорджа Кенгилема» (Сафронов, 2011: 29).

«Кроме того, если мы говорим о возрождении интереса к творчеству того или иного автора, то в этом случае имеет смысл обратиться к эмпирическим доказательствам, которые могут представить онлайн-библиотеки, книжные магазины и составленные исследователями библиографии» (Сафронов, 2011: 31).

«Чтобы разобраться, нам будет необходимо, во-первых, самим обратиться к работам философов, затрагивавших проблематику категорий, а во-вторых, творчество этих философов должно иметь прямое отношение к Э. Дюркгейму» (Сафронов, 2011: 48).

14. Хотя формулирование своего вклада может происходить не только в этих «слотах».

Тем самым утверждается, что у автора диссертации есть определенная цель¹⁵, которая, даже если она не сформулирована открыто, воплощается в выборе темы. Во-вторых, автор использует стандартный способ обозначения своего вклада путем указания на то, что предыдущие исследователи не делали то, что делает автор¹⁶, и/или, напротив, делали то, что он не собирается делать. Пример:

«Нужно сказать, что в „Элементарных формах религиозной жизни“ Э. Дюркгейм использовал несколько терминов для обозначения общих концепций: „коллективные представления“, „категории“, „общие идеи“. Несмотря на то, что многие критики Э. Дюркгейма эти понятия смешивали, мы постараемся их разграничить» (Сафронов, 2011: 33–34).

В-третьих, автор постоянно возвращается к теме своей диссертации, подчеркивая связь того или иного фрагмента текста с «социологической концепцией религии Эмиля Дюркгейма в современной англоязычной религиоведческой литературе». Подобного рода отсылок в тексте достаточно много, поэтому я приведу лишь некоторые:

«Для нас же вся эта дискуссия важна, поскольку она позволяет нам утверждать, что Э. Дюркгейм основывал свою социологию религии не на идеях о реальном существовании некоей общественной силы, отдельной от индивида, а на реальности „работы“ социальных фактов, что напрямую связывает нас с современной проблематикой в рамках англоязычного религиоведения» (Сафронов, 2011: 23).

«Эти слова о важности трудов Э. Дюркгейма собственно и подтверждаются наличием огромного числа посвященных работам французского социолога публикаций в англоязычной академической периодике» (Сафронов, 2011: 24).

«Таким образом, очевидно, что, во-первых, для адекватного понимания тех идей, которые сам французский социолог вкладывал в свои работы, а во-вторых, для того, чтобы было возможно приложить эти идеи к современным социологическим и религиоведческим реалиям, просто необходима переоценка вклада Э. Дюркгейма в социологию и религиоведение» (Сафронов, 2011: 91).

15. Или цели, которые могут различаться своей обширностью: начиная с общей цели, диктуемой темой диссертации, и заканчивая локальными целями, связанными с обстоятельствами разворачивающегося аргумента.

16. Интересный вопрос в этой связи: каким образом фиксируются «пробелы» в чужих академических текстах? Какие обоснования считаются допустимыми? И как эти обоснования связываются с собственным текстом автора? Ответы на эти вопросы позволили бы прояснить в том числе, каким образом в науке происходит приписывание авторства тем или иным терминам, текстам, идеям, данным, традициям и т. д. Одно из предварительных наблюдений состоит в том, что при фиксации «пробелов» «автор» соотносится с набором идей, а не совокупностью произведений. Второе предварительное наблюдение состоит в том, что таким образом мы получаем основания для понимания феномена «авторов-классиков»: ими становятся те авторы, во-первых, которым может быть приписано индивидуальное авторство той или иной идеи, и во-вторых, обнаружение «слабых мест» у которых поднимает критика почти на уровень критикуемого (обнаружение «слабого места» у Степана Мештровича не равносильно обнаружению «слабого места» у Эмиля Дюркгейма).

«В рамках современной англоязычной социологии религии делается попытка подытожить большинство исследований ритуала и выработать основанную на работе Эмиля Дюркгейма „Элементарные формы религиозной жизни“ теорию ритуала» (Сафронов, 2011: 135).

В результате постоянного подчеркивания ряда ключевых аспектов избранной темы автор создает впечатление связности и последовательности текста, которые, в свою очередь, свидетельствуют о том, что автор способен судить о «современном англоязычном религиозоведении» в целом и благодаря этому способен оценить и продемонстрировать собственные достижения. В этом смысле требование знания литературы по теме всегда неявно предполагает, что только такое знание может уберечь автора от повторения уже высказанных кем-то идей. И здесь принципиальное значение приобретает другой аспект диссертации: библиография.

б) Одна из особенностей рассматриваемой диссертации — огромное количество упоминаемых источников (470, из них 68 — на русском языке). Большая часть этих источников заимствуется вместе с цитатами из исходных англоязычных текстов. Столь обширный ссылочный аппарат указывает на то, что автор «сверхкомпетентен» в своей теме: он проработал гораздо больший объем литературы, чем того требуют соображения «достаточности», даже несмотря на то, что последние сложно выразить количественно. И даже если, как указывали мне некоторые коллеги, от автора диссертации вряд ли можно требовать, чтобы он прочитал все те источники, которые включены в библиографический список, само наличие в тексте ссылок на них предполагает, что автор в достаточной мере ориентируется в содержании этих источников, чтобы отсылать к ним в подходящих местах своего текста. Если во введении и в некоторых формальных частях основного текста можно встретить простое перечисление фамилий ученых, занимавшихся определенной темой, например:

«Многие исследователи творчества Эмиля Дюркгейма, включая Стивена Коллинза¹⁰⁰, Энтони Гидденса¹⁰¹, Роберта Алана Джонса¹⁰², Стивена Люкса¹⁰³ и Вильяма Пикеринга¹⁰⁴, а также Раймона Арона¹⁰⁵, предполагали, что Э. Дюркгейм понимает категории в кантовском смысле. Однако другая группа исследователей: Дональд Нильсен¹⁰⁶, Энн Ворфилд Роллз¹⁰⁷, Дэвид Блор¹⁰⁸ — считает, что понимание категорий социологом отнюдь не кантовское» (Сафронов, 2011: 48).

где такое перечисление предполагает лишь знание того, что указанные ученые выдвигали соответствующий аргумент в соответствующей работе (при этом знание всего творчества данных ученых не обязательно), то в основном тексте ссылки могут указывать на более глубокое знакомство с цитируемыми или упоминаемыми авторами¹⁷.

17. Здесь необходимо указать на необходимость проведения дальнейших исследований в области прагматики ссылок. Методы расставления ссылок, конечно же, не исчерпываются списками авторов, занимавшихся определенной темой. Помимо того что перечень авторов тоже может иметь разное значение (можно как минимум разделить перечисление авторов, с которыми автор соглашается, и авторов, которые, на его взгляд, ошибались или что-то упускали), можно ссылаться на источник цитаты (притом что цитаты тоже могут различаться по своему прагматическому значению: могут быть «обя-

Поэтому большое количество ссылок, относящихся не к перечням ученых, а к высказываемым в тексте диссертации суждениям, читается как несомненное свидетельство владения автором темой и, соответственно, наличия у автора такой сугубо академической добродетели, как знание того, что делают другие ученые. Наличие минимального («проходного») количества ссылок могло бы побудить читателя задать вопрос о том, насколько автор диссертации разбирается в избранной теме или насколько она ему интересна, в то время как огромный список литературы снимает такого рода сомнения¹⁸. Немаловажно при этом и то, что большая часть элементов библиографического списка — это литература на иностранных языках. Это важно не только потому, что в теме диссертации в качестве предмета исследования заявляются современные интерпретации концепции Дюркгейма в англоязычной литературе, но и потому, что преобладание иноязычной литературы свидетельствует (при условии, что читатель приписывает диссертанту знакомство со всеми релевантными источниками по теме) о недостаточной проработке темы в русскоязычной литературе и тем самым о важности вклада автора диссертации. Этот момент открыто подчеркивается Сафроновым:

«Таким образом, очевидно, что, во-первых, для адекватного понимания тех идей, которые сам французский социолог вкладывал в свои работы, а во-вторых, для того, чтобы было возможно приложить эти идеи к современным социологическим и религиоведческим реалиям, просто необходима переоценка вклада Э. Дюркгейма в социологию и религиоведение. Этот процесс, как автор и пытается показать в настоящей диссертации, уже идет в рамках англоязычной социологии, но, к сожалению, для российской науки таковая проблематика пока еще чужда. Автор надеется, что данная работа станет одной из первых в этом направлении» (Сафронов, 2011: 91).

Иными словами, множество ссылок на иноязычные источники говорит о том, что а) текст диссертации соответствует ее теме, б) автор «владеет материалом» и в) диссертация составляет несомненный вклад в отечественную науку. Кроме того, ссылки являются способом интеграции плагиата в текст: автор периодически ссылается на тот текст, откуда делается заимствование, и чаще всего эти ссылки располагаются после фраз «согласно [такому-то]...», «по мнению [такого-то]...» либо в конце процитированного-переведенного без кавычек абзаца¹⁹.

зательные» цитаты из классиков, цитаты, выражающие ту же идею, которой придерживается автор, цитаты, излагающие или поясняющие чью-то точку зрения, цитаты, характеризующие исследовательскую традицию, и т. д.), на автора термина, на представителя подхода, на источник данных, на источник, в котором какая-либо тема раскрывается более полно, и пр. Необходимо также прояснить связь ссылок с текстом в целом: является ли наиболее часто упоминаемый автор наиболее важным для понимания текста? Чем отличается по своему значению цитата от простой ссылки? Как воспринимается небольшое число или отсутствие цитат (свидетельствует ли это, например, о том, что автор «классик»)? Существует ли связь между распределением ссылок в тексте и структурой текста?

18. Правда, открывая дорогу для других сомнений, например, связанных с обоснованностью претензий на «собственный вклад», которые, впрочем, легко снимаются за счет уменьшения количества цитат (при сохранении ссылок) в тексте диссертации.

19. Другие аспекты практической организации библиографий освещаются в работах Эндрю Карлина: Carlin, 2002, 2004, 2007, 2009.

Организационные обстоятельства производства нормального текста

Указанные механизмы создания и интеграции плагиата в текст отражают в основном методическую составляющую проблемы плагиата, поэтому их анализ был бы неполным без рассмотрения тех организационных задач, которые решаются подобным образом. Обсуждение этих задач позволит проанализировать, каким образом производится нормальность текста, содержащего плагиат. Поскольку, как отмечалось выше, понимание плагиата неразрывно связано с пониманием обыденных текстуальных практик, в данном разделе я помещу плагиат в более широкий контекст написания и чтения диссертаций и в целом научных текстов.

Я не претендую на изложение всех возможных организационных аспектов практик создания научных текстов, поэтому мое последующее обсуждение будет носить достаточно фрагментарный характер, однако я надеюсь затронуть ключевые моменты, имеющие отношение к рассматриваемой проблеме.

Полнота описания и доверие автору

Любое научное описание предполагает оговорку *et cetera*²⁰. Ни один научный текст не может быть полным описанием изучаемого им феномена, будь это конкретные практики или другие тексты. Любой текст может расширяться до бесконечности. Поэтому к тексту в определенный момент добавляется примечание «и так далее». Вопрос состоит в том, в какой момент? Когда можно считать, что описание «достаточно» полное? Проблема «и так далее» имеет прямое отношение к рассматриваемому случаю, поскольку один из распространенных способов критики любой диссертации заключается в указании на неполноту обзора («Вы не рассмотрели работы такого-то»)²¹. Проблема полноты в данном случае может решаться за счет плагиата, который обеспечивает, как мы видели выше, стремительное увеличение числа ссылок. Второй способ решения этой проблемы может заключаться в формулировании «достаточно» обобщенных и абстрактных утверждений, которые, с одной стороны, позволяют интегрировать плагиат в текст диссертации, и с другой — указать на настолько общую тему, чтобы к ней могли отсылать любые высказывания в рамках диссертации. При этом проблема «и так далее» затрагивает не только ссылочный аппарат (который,

20. Анализ оговорки *et cetera* можно найти в работах Гарольда Гарфинкеля (Garfinkel, 1967: 22, 73–75) и Харви Сакса (Сакс, 2006). Сакс формулирует проблему «и так далее» следующим образом: «...к любому описанию конкретного объекта (или события, последовательности действий и пр.), сколь бы длинным оно ни было, исследователь должен добавлять поправку „и так далее“, чтобы описание стало исчерпывающим» (Сакс, 2006: 49). Анализ Сакса касается прежде всего социальных наук, для которых эта проблема особенно актуальна в силу того, что социально-научные описания: а) используют не анализируемый ими язык и б) отсылают к обыденному опыту. Сакс показывает, что генерализированные описания не решают проблему, поскольку они все равно игнорируют неопределенно большое число черт конкретных объектов.

21. Первичный анализ феномена «заметного отсутствия» определенной литературы в библиографии см. в: Carlin, 2004.

безусловно, важен не сам по себе, а как демонстрация работы с источниками и знакомства с релевантной литературой). По словам Дигби Андерсона, «вопрос, который может ставить любой автор, сталкиваясь с практической проблемой создания убедительной версии [текста. — А. К.]: „Какой объем исследования источников, честности, релевантности и доступа я должен продемонстрировать?“» (Anderson, 1978: 125). Указываемые Андерсоном основания доверия к автору имеют важное значение для анализируемого случая, поэтому на них следует задержаться.

Андерсон выделяет четыре основания для доверия автору и написанному им тексту: исследование источников (имеются в виду источники данных), честность автора, тематическая релевантность (т.е. релевантность того, что говорит автор, для той или иной темы) и доступ к знанию (Anderson, 1978: 125). Как отмечает сам Андерсон (Anderson, 1978: 126), это не равнозначные критерии, поскольку, например, первые три из них предполагают четвертый: доступ к знанию. К этому можно добавить, что критерий «честности» тоже обладает отличительными чертами. Если три остальных критерия могут быть прямо продемонстрированы в тексте, то «честность» — нет. Более того, она не может открыто провозглашаться, поскольку заявление «я честно провел исследование» звучит как оправдание, вызванное сомнением в честности автора этого заявления, и усиливает подозрения. Для нашего случая, однако, критерий «честности» играет принципиальную роль, поскольку ситуацию плагиата можно рассматривать как ситуацию, в основе которой лежит нарушение ожидания честности. Это ожидание имеет под собой определенные организационные основания. Вопрос, который при этом должен быть задан, — это не вопрос о том, почему кто-то нарушает ожидание честности, а вопрос о том, как оно связано с написанием/чтением текста. Плагиатор точно так же ориентируется на ожидание честности, как и добросовестный ученый. Согласно Харви Саксу (Sacks, 1975), одним из организационных оснований для доверия тому или иному человеку является отнесение его к специфической категории членства. Например, в нашем случае отнесение автора диссертации к категории «ученый» предполагает восприятие его высказываний в качестве «истинных». Эта «истинность» включает два компонента: с одной стороны, мы доверяем его описаниям, с другой стороны, мы доверяем тому, что он говорит о своих описаниях, например, тому, что «В диссертации мы описали...» (Сафронов, 2011: 230). Случай плагиата предполагает нарушение второго компонента ожидания, т.е. даже если само по себе содержащееся в тексте высказывание верно описывает какие-то данные, это высказывание принадлежит другому человеку. При этом дисциплинарная принадлежность играет подчиненную роль: плагиат в диссертации по религиоведению совершает «ученый», а не «религиовед». Категория «ученый», в отличие от подкатегории «религиовед» (или «философ», или «социолог», или «физик»), допускает применение к ней критерия честность/обман²².

22. «Обман» в данном случае, конечно, может включать не только плагиат, но и второй смертный грех ученых — подлог, фабрикации данных.

Индивидуальный вклад и коллективная практика

Диссертант сталкивается с двумя парами противоречивых требований. Первая пара — требование быть оригинальным и одновременно требование повторять. Диссертация должна демонстрировать уникальный вклад автора и в то же время соответствовать ряду критериев²³. (Более того, иногда авторам представляют чужие диссертации или авторефераты как примеры для подражания.) Противоречие между первым и вторым требованиями усугубляется тем, что в диссертации крайне сложно отделить «формальный» уровень высказывания от «содержательного». С одной стороны, к диссертации предъявляются процедурные требования, не связанные с ее содержанием. С другой — эти требования предполагают оформление некоторых содержательных фрагментов диссертации в соответствии с формальными стандартами, вследствие чего одно и то же утверждение может повторяться внутри раздела, в конце главы и в положениях, выносимых на защиту, как в следующем примере:

«В исследовании выявлено, что в концепциях критиков „первой волны“ произошло смешение эпистемологии и социологии знания Э. Дюркгейма. Это привело к ошибке в интерпретации теории французского социолога. В результате сформированное Э. Дюркгеймом и наилучшим образом представленное центральными главами „Элементарных форм религиозной жизни“ эпистемологическое доказательство эмпирической валидности категорий понимания до последнего времени оставалось исследователями незамеченным» (Сафронов, 2011: 12).

«Фундаментальная ошибка критиков в том, что они не смогли отделить эпистемологию Э. Дюркгейма от его социологии знания. Эпистемология наилучшим образом представлена центральными главами „Элементарных форм“, в которых дается попытка продемонстрировать, являются ли категории понимания эмпирически достоверными» (Сафронов, 2011: 82).

«Тем не менее основной сложностью для понимания позиции социолога является смешение понимания эпистемологии Э. Дюркгейма и его социологии знания. Фундаментальная ошибка критиков в том, что они не смогли отделить эпистемологию Э. Дюркгейма от его социологии знания. Эпистемология наилучшим образом представлена центральными главами „Элементарных форм“, в которых дается попытка продемонстрировать, являются ли категории понимания эмпирически достоверными» (Сафронов, 2011: 100).²⁴

23. Еще одним усугубляющим фактором является распространение компьютеризированных способов написания текстов. Как отмечают Интрона и Хайес по поводу высшего образования, сегодня студенты, привыкшие легко копировать фрагменты чужих электронных текстов и поощряемые к такому копированию преподавателями, сталкиваются в процессе проверки их работ на плагиат с необходимостью «перехода от одного специфического режима знания (в котором ценятся воспроизведение, повторение и запоминание) к новому режиму знания (в котором ценятся критичность, оригинальность и независимость)» (Introna, Hayes, 2011: 117). Тем не менее «электронную эпоху» и «цифровое мышление» вряд ли можно использовать для объяснения рассматриваемого случая плагиата, поскольку здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда требование воспроизводства и требование оригинальности являются элементами одного «режима знания».

24. Все три фрагмента являются переводом-пересказом одного текста Энн Ролз.

Однако противоречие между содержанием (за которое якобы отвечает автор) и формой (которую якобы навязывают академические институты) — не единственное воплощение проблемы оригинальности. Текст диссертации находится также на пересечении требования демонстрировать нечто отличное от других высказываний и требования помещать свои высказывания в их ряд. Диссертация, будучи уникальным вкладом, в то же время является вкладом в коллективное дело. При этом индивидуальный «вкладчик» должен понимать, в чем это коллективное дело состоит, т. е. одновременно писать текст по религиоведению и научный текст. Хотя в идеальном случае эти два текста должны совпадать, в реальной диссертации они различаются, поскольку есть формальные требования указания новизны, актуальности, степени разработанности темы и пр., касающиеся представления своей работы как научной вне зависимости от предметной области, и есть менее (или по-другому) формальные требования, которые всегда дисциплинарно-специфичны и имеют форму «если ты занимаешься такой-то темой, то тебе необходимо сделать то-то и то-то (указать таких-то авторов, привести такие-то данные, проанализировать такие-то подходы)». Организационным основанием для противопоставления первых и вторых является вторая пара противоречивых требований. Эта вторая пара включает требование к автору диссертации разбираться в своей теме и одновременно представлять свой текст для оценки тем, кто в этой теме в принципе может разбираться, хотя и не с той степенью уверенности или знания, какие есть у автора. Понятность текста для самого автора сталкивается с понятностью текста для его читателя. Автор должен сделать то, что не делал никто до него, но оценивать его работу будут эти самые «никто». Ситуация усугубляется тем, что эти «никто» хорошо известны: это научный руководитель, члены совета, оппоненты, представители ведущей организации, рецензенты. Данная группа анонимов с фамилиями, именами и отчествами рассматривает диссертацию как с «общенаучной», так и с дисциплинарно-специфической точек зрения. Их оценка предполагает особый способ формулирования оговорки «и так далее», который специфичен для ситуации защиты. По отношению к тексту диссертации «и так далее» означает не только возможность дальнейшего (бесконечного) описания социальных фактов, но и способность автора на это дальнейшее описание. Диссертант демонстрирует в тексте определенные навыки, которые, предположительно, он сможет демонстрировать и далее. Эта демонстрация должна быть потенциально повторяемой, хотя не обязательно — повторяющейся. Данную идею можно проиллюстрировать с помощью вымышленного примера. Предположим, кого-то просят написать цифру «2», чтобы проверить, умеет ли он писать цифру «2»²⁵. Если у нас нет оснований сомневаться в том, что пишущий правильно понял задачу и что он выполняет ее всерьез, тогда у нас нет оснований требовать от него писать цифру «2» более одного раза. Одного раза будет достаточно, чтобы мы могли предположить его способность

25. Вопросы о том, как он может также демонстрировать понимание того, что такое цифра «2», и как это понимание связано с действием написания цифры «2», а также вопрос о том, можно ли оценивать способность писать цифру «2», не оценивая при этом способность писать цифры вообще, я пока оставляю открытыми. Предположим, что мы имеем дело с упражнением в написании цифры «2».

писать цифру «2», т. е. уже после одного раза мы можем добавить к совершенному действию оговорку «и так далее». В случае диссертации мы можем наблюдать ту же ситуацию. Если и есть какой-то смысл говорить о диссертации как об «инициации», то не в смысле «статусного перехода», а в смысле оценки демонстрируемой в тексте диссертации способности диссертанта совершать определенные действия за рамками диссертации²⁶. Здесь можно ввести пока лишь интуитивно ощущаемое различие между «быть кем-то» и «заниматься чем-то» в науке. Кажется, что «быть религиоведом» и «заниматься религиоведением» различаются в качестве способа демонстрации и характера определенных навыков. Но этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Ориентация на читателя и способы чтения

Текст диссертации — это текст, специфически приспособленный к определенным читателям²⁷. При этом речь идет не столько о конкретных читателях, сколько о видах чтения-как-практики и чтения-в-практике. Текст может читаться с определенными целями определенным образом. В этом смысле нет текста как чего-то, существующего отдельно от его чтения: «...текст таков, каким он обнаруживается в практике его чтения» (Sharrock, Ikeya, 2000: 274). Что касается текста диссертации, то он читается, во-первых, «формально», т. е. с точки зрения того, имеет ли он необходимые структурные элементы (введение, заключение, главы, параграфы), которые могут по-разному формализовываться внутри. Во-вторых, его будут читать «коллегиально», т. е. с точки зрения того, насколько текст последователен, сколько в нем ссылок, какого рода это ссылки. Такой второй читатель не обязательно должен разбираться в обсуждаемой теме, однако он должен быть достаточно хорошо знаком с проблематикой, чтобы следить за аргументами автора. Наконец, диссертация может читаться «специально», то есть специалистами в данной области, которые могут не только оценить общие достоинства и недостатки текста, но и его связь с другими текстами и тем самым «оригинальность»²⁸. В отличие от полноценной публикации (статьи или книги), которая предполагает неопределенно большое количество читателей²⁹, диссертация, даже если она публикуется в открытом доступе, прочитывается лишь определенным кругом читателей, практика чтения которых, в свою очередь, связана

26. Использование термина «статусный переход» вызывает вопрос, о каких «статусах» идет речь? Если ответ: «О статусе молодого ученого и статусе зрелого ученого», тогда можно задать следующий вопрос: «Что значит „зрелый ученый“?». Эту цепочку вопросов необходимо продлевать до тех пор, пока не произойдет «расколдовывание» изначального термина «статус» и не обнаружатся те реальные, эмпирические, упорядоченные практики, которые составляют научное производство.

27. А читатели специфически приспособлены к тексту диссертации, подобно тому как паутина специфически приспособлена к мухе, «мухоподобна», по выражению Якоба фон Икскуля.

28. Интересно, что все три типа чтения могут реализовываться буквально в отношении разных фрагментов диссертации: в рамках первого типа читается содержание и введение, в рамках второго — введение, заключение и библиография, в рамках третьего — вся диссертация.

29. Или, если угодно, неопределенно малое — не в том смысле, что у числа читателей нет нижнего предела (логически это ноль), а в том смысле, что никогда не знаешь, сколь много людей не прочитают твой текст.

с определенными задачами: они читают не столько для того, чтобы узнать, какие результаты были получены автором, сколько для того, чтобы оценить эти результаты с точки зрения их обоснованности, связи с другими результатами, оригинальности и т. д. Другое отличие от опубликованной работы состоит в том, что публикация предполагает возможность ответной аргументации тех людей, с которыми полемизирует автор, или тех, кто прочитал его. Читатель же диссертации, даже если с ним полемируют в тексте, должен в ответной реплике формулировать оценку текста. Это ведет, например, к тому, что меняется роль критики, которая начинает восприниматься как «претензия» (и действительно может быть «претензией»), имеющая принудительный характер, т. е. указывающая на те места, которые следует исправить.

Распределение научного знания и экспертиза

Связь способов чтения текста с проблемой плагиата опосредована проблемой научного знания. Как уже отмечалось, по поводу диссертации Романа Сафронова некоторые коллеги говорили что-то вроде: «Никто не смог заметить плагиат, потому что диссертацию не читали люди, знакомые с заимствованными работами». Это высказывание имеет два аспекта, имеющих отношение к проблеме знания: во-первых, в нем выдвигается требование знания (литературы, источников, данных, экспериментов, идей и т. д.) как основания для предотвращения или обнаружения плагиата, и во-вторых, в нем неявно формулируется еще одна версия оговорки «и так далее»: никто не способен знать всё. Чтобы плагиат был невозможен, диссертацию должен читать эксперт, поэтому в ситуации, когда такого эксперта среди читателей не оказалось, плагиат был неотвратим. Один из возникающих в этой связи вопросов (который я не буду здесь рассматривать) — это вопрос о том, каким образом практикуется экспертиза в актуальной ситуации чтения. Как происходит «встреча» экспертного читателя и текста, на который может распространяться его экспертиза? И является ли их не-встреча единственной причиной успешной защиты диссертации, содержащей плагиат? Предварительный ответ, который я попытался обосновать выше, состоит в том, что в случае чтения диссертаций экспертиза предполагает не просто знание определенного набора текстов или идей, но и способность компетентно читать текст диссертации. Экспертиза включает навыки чтения, и поэтому можно представить ситуацию, когда при определенной текстуальной организации плагиат останется незамеченным даже для читателя, хорошо знакомого с заимствуемыми источниками³⁰. Другой крайне интересный вопрос, возникающий в связи с рассматриваемым случаем, — способ распределения знания в науке. Альфред Шюц был одним из первых, кто сформулировал проблему социального распределения знания, положив, однако, в основу своего подхода идеально-типическое разделение на «обывателя», «хорошо информированного гражданина» и «эксперта» (Шюц, 2004: 559–561) и тем самым закрыв себе путь к пониманию обыденных практических оснований экспертизы. Утверждая, что «эксперт, в нашем понимании этого термина, чувствует себя как дома

30. Вопрос о том, соответствует ли диссертация Сафронова такому гипотетическому случаю, следует обсудить отдельно.

только в системе навязанных релевантностей, точнее говоря, релевантностей, навязанных проблемами, уже поставленными в его области» (Шюц, 2004: 568), Шюц не показывает, как происходит «постановка проблем» и «навязывание релевантностей» (не говоря уже о рутинности самого экспертного знания). Между тем некоторые из этих практик можно проследить на примере диссертации. Диссертация может быть рассмотрена как определенный способ работы с уже выработанным знанием в той или иной дисциплине. От диссертации поэтому ожидается, во-первых, демонстрация знания этого знания, во-вторых, высказывание отношения к нему (в форме «обсуждения», т. е. «высказывания о»), и в-третьих, добавление чего-то к этому знанию («оригинальный вклад»). Это «добавление» неоднородно: оно как минимум может разделяться на «вклад в дисциплину» и «вклад в исследовательскую область». Между «вкладом в социологию» и «вкладом в теорию аномии» есть разница, которая заключается, среди прочего, в доступности этих разных видов вклада для непрофессионалов. Думаю, многие знакомы с ситуацией, когда «любители», узнав, что ты социолог (психолог, философ, биолог...), задают вопрос, на который ты должен знать ответ «как специалист»³¹. Такие вопросы не возникают, если область исследований формулируется как, например, «эпистемологические функции позитивного культа». Но внутри профессионального знания, как показывает рассматриваемый случай, тоже не может поддерживаться требование «всем знать всё». Среди экспертов есть свои эксперты. Это означает, что помимо знания, которое может быть приписано коллективу ученых, есть уменьшающаяся градация знаний, которые могут быть приписаны все более узкому кругу лиц вплоть до одного отдельного автора. Эта его «уникальная экспертность» должна не только некоторым образом заявляться в диссертации, но и поддерживаться другими членами научного сообщества³². Однако такая индивидуализация не противоречит коллективному характеру научного производства. Она лишь указывает на то, что и внутри науки, и внутри текста диссертации происходит распределение знания.

Научная коммуникация и повседневный разговор

Рассмотрение диссертации как текста, неразрывно связанного чтением-как-практикой и чтением-в-практике, позволяет найти альтернативу коммуникативному пониманию взаимодействия писателя и читателя как обмена сигналами, необходимыми для некоторого определения ситуации. Соколов и Титаев, пытаясь рассмотреть научную коммуникацию, похоже, сводят ее к такого рода обмену сообщениями:

«Мы будем опираться на социологический анализ речевой коммуникации, в особенности в традиции Гоффмана [Goffman 1963; 1981] и Сакса [Sacks 1992], учащей нас, что всякий разговор должен пониматься как нетривиальное социальное достижение. Беседа возможна, когда все стороны соблюдают

31. Особенно часто с этим сталкиваются психологи, которых просят дать какой-нибудь совет, помочь в сложной ситуации, решить проблему, подтвердить диагноз и т. д.

32. Так определенные люди становятся всем известными «лучшими/единственными в стране специалистами по...».

строгий набор правил, руководящих, например, чередованием реплик или сменами темы. Небольшого неповиновения им достаточно, чтобы превратить любую коммуникацию в хаос. В свою очередь, следование этим правилам подразумевает следование другим, более общим, руководящим решением таких поведенческих задач, как распределение внимания, которое особенно занимало Гоффмана и будет особенно интересовать нас в этой статье. Продвигаясь еще дальше, необходимость решения этих задач и их точные условия вытекают из более широкого определения социальной ситуации, в которой происходит разговор» (Соколов, Титаев, 2013).

С их точки зрения, обмен репликами³³ служит интеракционным целям поддержания определения ситуации. Это решение Гоффмана, но не решение Сакса. Решение Сакса заключается в том, что обмен репликами служит интеракционным целям поддержания упорядоченного взаимодействия. «Упорядоченное взаимодействие» не сводится к определению ситуации, а «правила» упорядочивания служат лишь локальным интеракционным задачам, а не подчиняются «более общим, руководящим правилам». Если мы принимаем решение Гоффмана, то мы используем некоторое «определение ситуации» для объяснения научных коммуникативных обменов. Если мы принимаем решение Сакса, то мы должны описать методические основания научного взаимодействия. Я предпочитаю подход Сакса, и не только потому, что он позволяет выявлять специфически научный порядок, производимый в тексте диссертации и текстом диссертации, но и потому, что, в отличие от Соколова и Титаева, которые предполагают «сильную» аналогию между научной коммуникацией и обыденным разговором, я предлагаю проводить «слабую» аналогию: научная коммуникация не является разговором, но тем не менее в ней наблюдаются некоторые феномены, аналогичные феноменам разговорного взаимодействия. Можно указать как минимум на три таких феномена (или даже группы феноменов).

Во-первых, феномен «зримого отсутствия». Как я уже упоминал выше, читатель научного текста может заметить отсутствие в нем определенного автора, или аргумента, или доказательства, или данных и т.п. Точно так же в повседневном разговоре один собеседник может зафиксировать отсутствие некоторой реплики, например, когда после вопроса не следует ответ или разговор начинается не с приветствия. И в научном тексте, и в обычном разговоре условием доступности такого зримого отсутствия является характер окружающих «пустое» место высказываний. Однако между зримым отсутствием в научном тексте и в разговоре существует принципиальная разница, поскольку в разговоре «пропуск» предполагает отсутствие реплики в точно определенном месте (например, в начале разговора, где должно быть приветствие), тогда как в научном тексте такого места нет (отсутствующая ссылка может располагаться в любом месте текста и в любом тексте из серии текстов), а также потому, что

33. Вопрос о том, что может быть «репликой» в научном разговоре, я пока оставляю открытым, поскольку «репликой» может быть и текст, и фрагмент текста, и идея, и данные и т.д., т.е. вопрос о том, что является репликой в научном разговоре, решается иным образом, нежели в устной коммуникации. Если в разговоре лицом к лицу границы реплики задаются сменой говорящих, то в научном «разговоре» сложно однозначно идентифицировать, где такая смена происходит.

в научном текст не всякое зримое отсутствие относится к ответному высказыванию, т. е. к высказыванию, предполагающему предшествующее высказывание, адресованному тому участнику коммуникации, в словах которого чего-то зримо не хватает.

Во-вторых, интересной темой является сопоставление цитирования в устной речи и цитирования в научном тексте. В устной речи цитирование, например, может использоваться для выражения сомнения в истинности чьих-то слов (Sacks, 1995, II: 309). Фраза «Он сказал, что пойдет на лекцию» может указывать на расхождение между чьими-то словами и поступками. В научной коммуникации такое невозможно. Кроме того, цитирование по-разному оформляется в тексте и в речи. Речь идет не просто о том, что (как отмечал И. Гофман) в устном высказывании сложно расставить кавычки, а, скорее, о том, что цитата по-разному связывается с окружающей ее речью.

Наконец (в-третьих), интересный феномен, прямо связанный с проблемой плагиата, — это феномен «собственности». Сакс предлагает разделять «possessables» и «possessitives»³⁴ (Sacks, 1995, I: 382–388). Под «possessables» понимаются те вещи, которые зримо никому не принадлежат и которыми поэтому можно, при желании, завладеть (т. е. получить в собственность, сделать своими). Под «possessitives» понимаются такие вещи, которые зримо кому-то принадлежат. Когда мы видим бейсболку, лежащую возле окошка кассы в банке, мы видим, что это «чья-то» бейсболка, что «кто-то» ее «забыл». Это различие Сакса прекрасно подходит для анализа некоторых феноменов обыденных взаимодействий, связанных с заявлением собственности на определенные вещи (например, можно, оставив «свою», т. е. для стороннего наблюдателя «чью-то», вещь на стуле, сделать стул тоже «своим»), и в этом смысле оно является хорошей отправной точкой для анализа научных коммуникаций, но здесь нужно быть крайне осторожным. Собственность на вещи и собственность на идеи или высказывания существенно различаются. Например, я не могу использовать чужую вещь, если знаю, что она чужая. То есть фактически я могу ее использовать, но такое действие может быть легко классифицировано как «кража», если я не получил от владельца разрешение на ее использование. Однако, цитируя другого автора в тексте, я еще не «краду» его идею. Цитирование становится «кражей», только если я цитирую его без ссылки. При этом смысл «кражи» тоже разный. Если я «взял» чью-то машину и езжу на ней, то это, очевидно, «кража». Но будет ли «кражей» высказывание «Это моя машина», которое я адресую своему другу, когда мы проходим мимо чьей-то чужой машины? Между тем в науке «кражей» может считаться сам факт утверждения, что некоторая идея принадлежит мне, в то время как на самом деле это не так. Кроме того, я могу вполне легитимно использовать чужую машину, не совершая кражу, например, если это машина родителей, т. е. возможна коллективная собственность на вещи, в том смысле, что возможна группа людей, каждый из которых может легитимно называть определенную вещь «своей». Аналог коллективной собственности в науке — коллективное авторство — носит, однако, иной характер. Вряд ли кто-то из

34. В данный момент адекватно перевести эти термины на русский не представляется возможным.

соавторов научного текста имеет право называть этот текст «своим»³⁵, скорее, он должен называть его «нашим», хотя отдельные фрагменты текста могут «принадлежать» конкретным людям. В случае диссертационного текста ситуация отличается еще и тем, что у диссертации может быть только один автор. Конечно, в обыденной речи любому высказыванию говорящего вроде бы тоже автоматически присваивается авторство, но при этом он может повторять чьи-то высказывания (иногда даже слово в слово), не рискуя быть обвиненным в плагиате³⁶. В науке это невозможно.

Заключение

Выше я попытался выявить некоторые конститутивные практики, в которых заключается производство научного текста, на примере одной диссертации. Анализ механизмов плагиата, обнаруженного в этой диссертации, невозможен без понимания того, как в научном тексте производится специфический локальный порядок текста/чтения. Такая фокусировка на организационных аспектах текстуальной работы позволяет схватить те феномены, которые обеспечивают корректность той или иной квалификации (в том числе этической) текста, и предполагает понимание социальных отношений, выстраиваемых между учеными, как отношений, заключающихся в производстве материальных черт конкретных ситуаций деятельности. Плагиат реализуется всегда в материальном тексте, и без анализа особенностей текстуальных практик понять плагиат невозможно.

Я попытался показать, каковы возможные методические условия плагиата как текстуального феномена, поэтому я не рассматривал вопрос о том, какой вклад в производство плагиата и его выявление (или сокрытие) вносит то, что принято называть «социальным контекстом»: принятые в том или ином учебном заведении правила написания академических работ, отношения диссертанта с членами совета, научным руководителем и оппонентами, нормы научной этики, общекультурный опыт и т. д. Все эти темы требуют отдельного обсуждения на основе анализа конкретных научных практик.

Литература

- Сакс Х. (2006). *Социологическое описание* / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 43–53.
- Сафронов Р. О. (2011). Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе. Дисс. ... канд. филос. наук (09.00.14). Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.
- Соколов М., Титаев К. (2013). Провинциальная и туземная наука. <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/editing/sokolov_titaev4.doc> Дата доступа: 28.05.13.

35. Разве что при подаче документов на надбавку за публикации или при составлении CV.

36. Хотя рискуя нарваться на восклицание: «Эй! Я первый это сказал!»

- Шюц А. (2004). Хорошо информированный гражданин: очерк о социальном распределении знания / Пер. с англ. В. Г. Николаева // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН. С. 557–572.
- Anderson D. C. (1978). Some organizational features in the local production of a plausible text // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 8. № 2. P. 113–135.
- Blum S. D. (2009). *My word! Plagiarism and college culture*. Ithaca: Cornell University Press.
- Carlin A. P. (2002). Bibliographic boundaries and forgotten canons // *Cultural studies: interdisciplinarity and translation* / Ed. S. Herbrechter. Amsterdam: Rodopi. P. 113–130.
- Carlin A. P. (2004). On «owning» silence: talk, texts and the «semiotics» of bibliographies // *Semiotica*. Vol. 146. № 1–4. P. 117–138.
- Carlin A. P. (2007). Auspices of corpus status: bibliography* as a phenomenon of respecification // *Orders of ordinary action: respecifying sociological knowledge* / Ed. S. Hester and D. Francis. Aldershot: Ashgate. P. 91–103.
- Carlin A. P. (2009). The temporal organization of bibliographies // *Library Quarterly*. Vol. 79. № 2. P. 161–173.
- Garfinkel H. (1967). *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Introna L. D., Hayes N. (2011). On sociomaterial imbrications: what plagiarism detection systems reveal and why it matters // *Information and Organization*. Vol. 21. № 2. P. 107–122.
- Knorr-Cetina K. (1981). *The manufacture of knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science*. N. Y.: Pergamon Press.
- Latour B., Woolgar S. (1986). *Laboratory life: the construction of scientific facts*. Princeton: Princeton University Press.
- Livingston E. (1995). *An anthropology of reading*. Bloomington: Indiana University Press.
- Lynch M., Bogen D. (1997). Sociology's asociological «core»: an examination of textbook sociology in light of the sociology of scientific knowledge // *American Sociological Review*. Vol. 62. № 3. P. 481–493.
- Merton R. K. (1973). *The sociology of science: theoretical and empirical investigations*. Chicago: University of Chicago Press.
- Merton R. K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect // *Social Forces*. Vol. 74. № 2. P. 379–422.
- Morrison K. (1981). Some properties of «telling order designs» in didactic inquiry // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 11. № 2. P. 245–262.
- Morrison K. (1989). Some researchable recurrences in disciplinary-specific inquiry // *The interactional order: new directions in the study of social order* / Ed. D. T. Helm, W. T. Anderson, A. J. Meehan, A. W. Rawls. N. Y.: Irvington Publishers. P. 141–158.
- O'Neill J. (1981). The literary production of natural and social science inquiry: issues and applications in the social organization of science // *Canadian Journal of Sociology*. Vol. 6. № 2. P. 105–120.
- Sacks H. (1975). Everyone has to lie // *Sociocultural dimensions of language use* / Ed. M. Sanches and B. G. Blount. N. Y.: Academic Press. P. 57–80.
- Sacks H. (1995). *Lectures on conversation*. Oxford: Blackwell.
- Sharrock W., Ikeya N. (2000). Instructional matter: readable properties of an introductory text in matrix algebra // *Local educational order: ethnomethodological studies of knowledge in action* / Ed. S. Hester and D. Francis. Amsterdam: John Benjamins. P. 271–288.
- Watson R. (2009). *Analysing practical and professional texts: a naturalistic approach*. Farnham: Ashgate.